

К вопросу об анализе значения на уровне контекста

Ян Галло

Университет им. Константина Философа в Нитре, Философский факультет, Кафедра русистики, Словацкая Республика
jgallo@ukf.sk

Ключевые слова: анализ, архив, значение, импликатура, контекст, пресуппозиция, референция, ситуация, суждение, текст

Key words: analysis, archives, assumption, context, meaning, implicature, opinion, reference, situation, text

Введение

Анализ значения в рамках текста можно исследовать на разных структурных уровнях – в единицах более коротких, чем предложение, на уровне предложения, в размере сверхфразовых единств, а также и на уровне контекста. Цель данной статьи – показать влияния контекста для передачи значения текста, в значительной мере предопределяющим спектр возможностей анализа текста.

Отношение текст – контекст

Контекст в отношении к тексту является, с точки зрения использования, релевантным выражением текста, принадлежавшего к другой семиотической системе (определённый текст, например, высказывание, интерпретируем с учётом контекста, если принять во внимание и контекст, учитывая и неязыковые элементы его среды, например, жест, сопровождающий высказывание). Данную проблематику упоминает в своей работе и Я. Соколова в связи с невербальной информацией, опосредствованной паралингвистическими, т. е. неязыковыми средствами выражения, экстралингвистическим контекстом и базой знаний коммуникантов (ср. Sokolová, 2012, с. 8).

Почему контекст важен при изучении текста? Наверно, не нужно доказывать, что контекст влияет на понимание текста. Когда познакомимся с текстом «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека», будем его интерпретировать по-другому, когда знаем, что это первая строфа известного стихотворения Александра Блока, чем бы мы этого не знали. В первом случае скажем: – Это первая строфа из стихотворения ... и т. д. Во втором случае, с точки зрения грамматики, будем это считать образцовыми примерами односоставных назывных предложений. Или на вопрос: – Где находится центральная улица города? Получим ответ: Идите прямо и потом поверните направо. И говорящий жестом не покажет, в каком направлении конкретно «прямо» есть. Или, если услышим: – Конечная станция. Просьба освободить вагоны – вне платформы или какого-то другого средства транспорта, и, если те же самые предложения услышим внутри вагона московского метро.

Во всех случаях мы понимали, что утверждения обозначают «в общем», но согласно контексту, в котором они появились, мы их поняли специфически. Значит, что контекст можно в данном случае понять как некое расположение текста в среде, предоставляющей слушателям или читателям инструкцию к их интерпретации, к обнаружению их смысла. Исследование такого расположения можно было бы понимать согласно Мартину Гаеку (2014, с. 52) как «экологию текста, т. е. исследование отношения текста и среды, где среда воспринимается как мир вокруг текста, включая

говорящего/писателя и слушающего/читателя. Отношение текст – контекст является важной, хотя не единственной составной частью этой экологии текста». Главными категориями, которые описывают влияние контекста на значение текста, являются ссылка, предпосылка, импликатура, ситуация, суждение и архив (Brown, Yule, 1983).

Ссылка (референция) в отношении текст – контекст

Ссылка является таким отношением текста и среды, в котором говорящий/писатель посредством текста (слова, предложения, высказывания) ссылается на мир вне текста (на его среду, на его контекст) (Brown, Yule, 1983, с. 28). Важно осознать тот факт, что тот, кто ссылается, это не сам текст, а говорящий/писатель. Мартин Гаек (2014, с. 52 – 53) приводит следующий пример: Будет ли предложение «Я ГОЛОДЕН», написано на куске картона, поставленного на скамейке в парке, выполнять свою лингвистическую функцию: мы сможем его интерпретировать, но не понимаем сообщение, так как не понимаем его референцию; не знаем, *кто* сообщает, что он голоден. Когда на следующий день пойдём мимо того же самого места и увидим там группу бомжей, вокруг которых бегаёт собака со вчерашней табличкой, повешенной на шее, можем над этим и посмеяться про себя, так как сразу поймём отношение текста и среды – те люди повесили табличку своей собаке на шею, чтобы этим (в форме юмора) сообщить, что она голодна, или что она постоянно хочет есть, или они хотели только пошутить.

Предпосылка (пресуппозиция) в отношении текст – контекст

Если мы посмеялись над собакой с табличкой, то мы подтвердили контекстуальные *предпосылки* (пресуппозиции), на которые текст рассчитывал, т. е. а) что собаки голодные, б) что собаки не умеют писать, в) что упомянутая собака не проявляет признаки голода и г) собаке повесили табличку на шею люди, которые умеют писать. Когда мы написали, что текст рассчитан на ссылки, кто-то бы мог возразить, что написавший, который пользовался день тому назад табличкой, был нищий и попрошайничал, и если бы с предпосылками согласился, точно бы не имел ввиду эти предпосылки при написании текста как контекста. Только потом прохожий, который увидит табличку на собаке и посмеётся над ней, актуализирует приведённые предпосылки. Таким образом, если предпосылки стоят вне самого текста, текст их принимает в расчёт, сможет их приывать к нашему контексту. Если бы на табличке было написано «Али», никакой из приведённых предпосылок бы читатель, вероятно, не актуализировал. Скорее всего, концепт предпосылки является комплексным, тем не менее, для отношения текста и среды ключевым.

Импликатура в отношении текст – контекст

Импликатура является концептом, который создал П. Грайс в связи с правилами общения (Brown, Yule, 1983, с. 31 – 33; Grice, 1989, с. 24). Если у слушающего сложилось впечатление, что говорящий нарушил какие-нибудь правила общения, например, максимум, «говори по возможности правдиво», это имеет последствия для интерпретации того, что буквально говорится в тексте. И хотя пример Мартина Гаека с табличкой не является наилучшим примером общения, и вопреки тому им можно было воспользоваться, чтобы показать, как концепт имплицатуры описывает отношение текста и среды. Имплицатуру, собственно, можно понять как (намеренное и ненамеренное) нарушение в данной ситуации ожидаемых предпосылок, что имеет последствия в интерпретации. Если бы мы согласно ожидаемым предпосылкам («говори правдиво») интерпретировали табличку, мы бы не засмеялись над текстом, потому что мы бы пришли к выводу, что собака голодна, и над этим нечего смеяться.

Так как знаем, что информацию нам не сообщает собака, и потому, что нельзя себе представить, что табличку написала собака, и, следовательно, не можем искать смысл в общении у нее, а только у того, кто ей повесил табличку на шею, и не будем интерпретировать текст буквально. Если суммировать вышесказанное, нарушение ожидаемой предпосылки об отношении текста и его среды конкретно; правдиво общается тот, кто текст показывает своим (это был бы случай, если бы табличку имел нищий, но в случае собаки это не действует), и приводит к тому (имеет импликацию в том), что читатель начинает искать альтернативную интерпретацию, т. е. а) подходящего автора текста, для которого б) предполагаемое коммуникативное намерение придавало бы тексту в данной ситуации больше смысла.

Ситуация в рамках отношения текст – контекст

В течение всего времени, когда на примере таблички объясняем отношения текста и среды, читатель данного текста проинформирован о *ситуации*, возникающей в описываемом отношении, только очень сжато. Скамейка в парке, группа бездомных, собака с табличкой с надписью. Тем не менее, предполагаем, что для большинства читателей такое описание является достаточным, чтобы представить себе данную ситуацию (хотя бы для понимания смысла этого текста). Это значит, что ситуативный контекст здесь двойной: во-первых, он соединён с ситуацией, которую описывает текст (собака с табличкой в парке), во-вторых, ситуативный контекст соединён с ситуацией самого читателя текста (читающего книгу, объясняющую ситуативный контекст). В первом случае речь идёт об ситуативном контексте в рамках слушающим/читателем конструированного *возможного мира* (Есо, 2010, гл. 8), тогда как во втором случае речь идёт о ситуативном контексте актуального мира слушающего/читателя. Другим примером могла бы быть ситуация голодного человека, который читает рассказ о богатом пире. Чтобы понять рассказ, он должен уметь сконструировать гипотетический (возможный) мир, в котором богатый пир может состояться; но, одновременно, может решать, что прекратит чтение рассказа, так как он не позволит ему забыть о своём голоде. К экологии текста мы бы отнесли только отношение текст – ситуация актуального мира, так как конструкция мира, которую вообразил слушающий/читатель, позволяющая понять значение того, на что текст ссылается (как это есть с собакой с табличкой), является вопросом референции текста, упоминаемой выше. В случае ситуативного контекста речь идёт о том, в какой ситуации текст произведён и воспринят, например, в выше указанном тексте «Конечная станция. Просьба освободить вагоны». Если слушающий не найдёт во своей среде ничего, из чего можно было бы исходить, или дежурную по станции, выгоняющую бомжей из вагонов, будет стараться на основе своих актуальных ситуативных обстоятельств найти для текста как сообщения другую интерпретацию, чем ту буквальную; например, метафорически как социальную критику (ограниченные социальные мобильности) в рамках выступления панк-группы на их концерте. Как вытекает из приведённого примера, контекст социальной ситуации можем определить координатами места, времени, говорящего/писателя, слушающего/читателя, их лингвистического общения и предыдущих событий, с тем, что а) речь идёт только о действительности, воспринимаемой как релевантной и б) не все координаты должны всегда иметь место.

Инференция в отношении текст – контекст

В контекст, т. е. интерпретационно релевантой среды текста, можем, допустим, включить и *рассуждающую деятельность* (инференцию) (Brown, Yule, 1983, с. 33 – 35). Она является составной частью среды, не текста, и непосредственно влияет на значение текста.

Инференционная модель основана на предположении, что коммуникация является интеракцией, в которой говорящий старается, чтобы слушающий определил его коммуникативное намерение (т. е., что ему хочет сообщить), и наилучше, таким образом, что выберет такие выражения, которые это намерение в данной ситуации/контексте облегчат. Слушающий старается понять коммуникативное намерение говорящего на основе выражений, которые говорящий выбрал, а также на основе контекста его высказывания. Таким образом, инференционная модель не работает только с речевой коммуникацией, но также учитывает все другие способы, которыми можно выразить коммуникативное намерение, главным образом жесты и звуковые сигналы при общении лицом к лицу и разнообразные формы паратекстовых сигналов при текстовой коммуникации (например, типы шрифта). Компетентный партнёр в коммуникации умеет эти сигналы, во-первых, стратегически образовать, во-вторых, диагностически «читать». Например, когда мы в предыдущем предложении ставили глагол «читать» в кавычки, мы этим проявили читателю, что лексему «читать» должен понимать иначе, чем обычно, что эта лексема обозначает не совсем обычное чтение. Если преобразовать этот наш речевой акт в общий уровень, тем, что мы привели лексему читать, хотя не имеем дело с прямой речью, мы немножко нарушили общее ожидание правил текстовой коммуникации у читателя. Это нарушение ожидания имело, по всей вероятности, тот результат (импликацию), что читатель задумался, что мы хотели этим «диагностическим чтением» сказать (какое было наше коммуникативное намерение).

На этом месте хотим ещё акцентировать роль энциклопедической компетенции, которая непосредственно связана с инференцией. Обычно энциклопедическая компетенция или общие социокультурные знания считаются необходимыми для интерпретации текста. Словами Робера-Алена де Богранда «вопрос, как люди узнают, о чём идёт речь в тексте, является особым случаем вопроса, как люди узнают, о чём идёт речь в мире вообще» (цит. по Brown, Yule, 1983, с. 233; ср. также Beaugrande, 1996, с. 26). Таким образом, воспринятая инференционная деятельность ограничивается тем, о чём идёт речь *в тексте*. Тем не менее, как явно из выше обсуждаемого вопроса контекста, инференция должна осуществляться также на уровне того, как текст связан с тем, что происходит в данной ситуации, в которой текст является составной частью. Есть разница в том, когда начну читать текст, о котором знаю (и всё равно как), что он является законом данного государства, и текст, о котором знаю, что является собранием анекдотов. Таким образом, инференционная деятельность не связана только с тем, о чём идёт речь в тексте, но также с тем, о чём идёт речь в данной ситуации, в которой с текстом взаимодействуют. Способность различать тексты, которые нужно интерпретировать буквально от текстов, которые надо непредвзято воспринимать всерьёз, или над которыми можно смеяться, может быть для понимания текста ключевой.

Архив в отношении текст – контекст

Итак, подходим к последнему отношению текста и контекста, которым является то, что можно с определённым осмыслением назвать согласно Мартину Гаеку (2014, с. 55) *архив*. До сих пор мы занимались перспективой, в которой было значение текста определено из его свойств и из свойств среды, или, точнее говоря, из интеракции текста и среды, т. е. его контекста. Текст был воспринят как фактический, тогда как среда – весь возможный мир вне текста – как источник интерпретации. Текст «Я ГОЛОДЕН», с одной стороны, и табличка на верёвке, собака, бездомные, прохожий, парк с другой стороны. В этой ситуации текст является соучастником и среда его кулисами, в которых соучастник играет. Мартин Гаек это назвал экологией текста, обязательным

расположением каждого текста в конкретной конфигурации мира вокруг. Однако, теперь давайте поменяем перспективу. Будем искать, есть ли что-нибудь, что является для всех, или, хотя бы для разных видов ситуативности, общее. Можно ли обнаружить правила или регулярности, которые будут относиться к интерпретации текста «Я ГОЛОДЕН» через ситуации и разнообразие говорящих/авторов, слушателей/читателей? Можно ли перейти от описания и классификации ситуативности к описанию и классификации ситуативного (Goffmann, 1964, с. 3; ср. также Kaderka 2013)? Сделать анализ ситуативных правил использования текстов (высказываний) попытался М. Фуко в своей теории ряда дискурса (Foucault, 1994/1971, с. 7 – 39; см. также главу 4.2.). Он утверждает, что в каждой ситуации осознаём, что не можем говорить о чём угодно, не обращая внимания на обстоятельства. Тем, что определяет запреты, исключение и общее расположение (дисперсию) продуцирования текстов в отдельные ситуации, является специфический дискурс. Например, дискурс человечества, который выделяет людей из среды остальных животных, вызывает то, что кто-нибудь повесит собаке на шею табличку «Я ГОЛОДЕН» и кто-нибудь будет над этим смеяться. Исследование такого дискурса не является согласно Фуко отношением правдивости текстов, не является поиском содержания (очевидного или скрытого) текста, а обнаруживание «ценности» текста, заключающееся в его вместилищах где-то быть и где-то нет, быть в обращении и быть изменяемым в другие блага (например, в уважение, статус, лояльность). В нашей статье не будем на этом останавливаться.

Здесь ещё остаётся объяснить, почему в данной статье употребляем в связи с контекстуальным отношением термин Мартина Гаека – архив. Архив является правилом, определяющим то, что должно и можно сказать, регулирующее появление высказываний как единственных событий и располагает их в разнообразные фигуры. Архив в этом восприятии является (архи)функциональным контекстом текста, определяющим его существование и гарантирующим его смысл как единственного высказываемого события (Foucault, 2002/1969, с. 197 – 199).

Выводы

Роль контекста, будучи релевантной оболочкой текста при передаче его значения, играет важную роль, приём является его неотъемлемой частью вместе с другими структурными уровнями текста (единицы более короткие, чем предложение, уровень предложения, сверхфразовые единства), определяющими разнообразие возможностей его анализа.

При изучении связи текст – контекст ссыла (референция), предпосылка (пресуппозиция), импликация, ситуация, суждение и архив являются главными категориями, описывающими влияние контекста на значение текста.

Литература:

- BEAUGRANDE, Robert-Alain de: Funkce a forma v jazykové teorii a výzkumu. Vlna se obrací. In: Slovo a slovesnost, 1996, roč. 57, č. 1, s. 1 – 29.
- BROWN, Gillian – YULE, George: Discourse analysis. Cambridge: Cambridge University Press 1983.
- ECO, Umberto: Lector in fabula. Role čtenáře aneb interpretační kooperace v narativních textech. Praha: Academia 2010.
- FOUCAULT, Michel Paul: Archeologie vědení. Praha: Hermann & synové 2002/1969.
- FOUCAULT, Michel Paul: Diskurs, autor, genealogie. Praha: Svoboda 1994/1971.
- GOFFMAN, Erving: The neglected situation. American Anthropologist, 1964, roč. 66, č. 6, s. 133 – 136.

- GRICE, Paul: Logic and conversation. In: Studies in the Way of Words. Cambridge – Massachusetts: Harvard University Press 1989, p. 22 – 40.
- HÁJEK, Martin: Čtenář a stroj. Vybrané metody sociálněvědní analýzy textů. Praha: Sociologické nakladatelství (Slon) 2014.
- KADERKA, Petr: Pragmatika situace. In: Slovo a slovesnost, 2013, roč. 74, č. 1, s. 13 – 40.
- SOKOLOVÁ, Jana: Tri aspekty verbálneho textu. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre 2012.
- СОКОЛОВА, Яна – КОРИНА, Наталья: Человек – Язык – Дискурс. Очерки об ориентации в пространстве языка и речи. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing 2013.

Summary

To the issue of meaning analysis at contextual level

The paper deals with the main problem of explanation the context influence on the interpretation of the text meaning.

In the framework of the analysis the meaning at the contextual level it is presented the characteristics of the main categories such as reference, assumption, implicature, opinion, situation and archives describing the context influence on the meaning of the text. In this paper it is showing the significant role as well as the inseparable part of the context at the transmitting of the text meaning. In conclusion there is given the summary of the presented issue.

Štúdia vznikla v rámci riešenia grantového projektu VEGA 1/0243/15 Text a textová lingvistiká v interdisciplinárnych a intermediálnych súvislostiach.